

“... ИЗВѢСТІЯ
совершеннаго нѣсть”:
Интерпретация
исторических
событій в Житіи
Галактиона
Вологодского

“... There Is No
Perfect Knowledge
About ...”: The
Interpretation of
Historical Events in
the *Life of Galaktion
Vologodsky*

**Ирина Анатольевна
Лобакова**

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург)

Irina A. Lobakova

Institute of Russian Literature (Pushkin
House) of the Russian Academy of
Sciences (St. Petersburg)

Резюме

Данная статья посвящена проблеме происхождения Галактиона Вологодского, убитого в городе, захваченном войсками гетмана Я. Ходкевича; выявлению некоторых фактов биографии последнего из рода князей Бельских; установлению времени составления Жития, в котором сюжет целиком определен историческими событиями (правлением Ивана Грозного и Смутой).

Ключевые слова

агиография, источниковедение, генеалогия, Смута, опричнина, рукописные памятники, мартирии, повествование, устные рассказы

Abstract

This article is devoted to the problem of the genealogical connections of Galaktion Vologodsky, who was killed at some point between September 22 and September 25, 1612. The text of the *Life of Galaktion* tells us that he was from the noble family of the Belsky princes. According to I. Veruzsky and others, the father of the saint was Ivan Fedorovich, who was killed at Shuisky's order in 1542. Neither the Book

of Degrees nor the Velvet Book tells us anything about Ivan Fedorovich's children—but neither of these books is completely reliable. According to the text of the Life of Galaktion, his father was put to death at the order of the tsar but not a word is said about Shuisky's involvement. Galaktion may in fact be the son of Ivan Dmitrievich Belsky (? –1571) but he was not registered in the Book of Degrees because he was only an infant at the time of its compilation.

As we know, Galaktion, who, after his father's death, was hidden in Staritsa when he was seven years old, received no outside support; this may be explained by the circumstances experienced by Prince Ivan Dmitrievich's family at this time. Prince Ivan's sister Evdokiya, her husband (the boyar Morozov), and their two sons were all executed and were thus unable to help Galaktion.

In the Life of Galaktion, written twenty years after his death, there is no accurate information about his family, but the hypothesis presented here is supported by the existing sources.

Keywords

hagiography, genealogy, Time of Troubles, Oprichnina, manuscripts, martyrria, narrative, verbal stories

Житие Галактиона Вологодского до настоящего времени не становилось предметом специального исследования, и текст его не издавался [Соколова 1992]. Впервые со значительным количеством риторических подробностей, дополнивших сюжетную недосказанность текста, оно было издано в литературном пересказе Иоанна Верюжского [1880: 609–627]. Сюжет Жития был изложен в “Православной энциклопедии”, там же были представлены некоторые факты, имевшиеся в архивных материалах и краеведческих работах, дающие представление об истории почитания Галактиона [Романенко, Шамина 2005]¹. Традиционно данный агиографический памятник упоминался среди других произведений, связанных с эпохой Смуты, так как мучительную смерть затворник принял от рук разбойников, входивших в один из отрядов войска гетмана Я. Ходкевича, завладевших Вологодой 22–25 сентября 1612 г. [Васильев 1994: 367]. События Смутного времени оставались для литературы первой половины XVII в. предметом постоянного осмысления. Д. С. Лихачев отмечал, что литература этого времени “при всем разнообразии ее жанров, точек зрения, стилистических решений, отношения к фольклору и т. д. была литературой одной темы — темы Смуты, ее истоков, причин, характера, описания событий, поисков вин и виноватых” [Лихачев 1987: 12].

¹ Там же указаны четыре списка Жития. В настоящее время мне известны десять списков памятника. Истории текста Жития будет посвящено специальное исследование.

События Смуты, добавившие испытаний на долю подвижников, получили свое осмысление в памятниках агиографического жанра, привнеся в житийное повествование исторически точную конкретность [Лобакова 2014]. Как отмечал на другом материале Л. А. Дмитриев, в житийном жанре постоянно “происходит борьба двух тенденций: с одной стороны, агиограф стремится к строгому соблюдению жанровых канонов, с другой — он испытывает влияние реальной жизни, иных литературных жанров, устного творчества, и влияние это разрушает жанровые каноны, противоречит им” [Дмитриев 1973: 7]. После большого количества памятников, созданных в традициях литературной школы митрополита Макария [Дмитриева 1993], в первой половине XVII в. появились произведения, в которых реальность с ее историческими потрясениями определяла с ю ж е т житийного текста. К таким памятникам, бесспорно, принадлежит Житие Галактиона Вологодского.

В. О. Ключевский, кратко характеризуя этот памятник, первым коснулся времени его создания:

Лет через 30 по смерти Галактиона (умер в 1612 г.), по поводу построения жителями Вологды храма и обители в искусственной пустыне Галактиона, архиепископ вологодский Варлаам (1627–1645)² поручил составить его житие одному из иноков, вступивших в новый монастырь. Впоследствии прибавили к житию чудо 1652 года, записанное казначеем Ефремом и братией со слов исцеленного [Ключевский 1871]³.

Этот вывод ученого по большей части основан на сведениях, которые были включены составителем в текст Жития: вологжане, много лет приходившие за помощью в различных недугах “к гробу преподобного мученика Галактиона, и видяще от него бывающая чудеса многа и различна”, вспомнили о повелении затворника построить храм во имя иконы Богородицы Знамения,

... и возвестиша о сем великому господину Варламу, архиепископу. Архиепископ же собравъ благоговѣйныхъ людей [. . .] и извѣстно отъ нихъ испытавъ о его истинномъ по Бозѣ житии, и увѣдавъ, *повель написати житие* [выделено мною. — И. Л.] преподобного Галактиона. И совещавъ съ народы, благослови и *повель имъ во обители храмъ древянь поставити во имя пречистыя Богородицы, честнаго и*

² Варлаам был хиротонисан в 1626 г. в архиепископа Вологодского и Белозерского из архимандритов Устюжского Михаило-Архангельского монастыря.

³ Исследователь опирался на список *Унд296*, в котором записаны только одиннадцать посмертных чудес святого, причем последнее, имеющее датировку 1652 г., переписчиком оформлено как заключительное (последние четыре строки его имеют вид “тирьки”). Необходимо добавить, что первое из датированных чудес в Житии отнесено к 1641 г.; в других списках казначеем Ефремом с братией со слов исцеленных были записаны три чуда (1652, 1655 и 1656 гг.). Циклу сказаний о чудесах в этом памятнике посвящено специальное исследование: [Лобакова 2015].

славнаго ея Знаменія, иже в великом Новъграде [выделено мною. — И. Л.], и повелѣ братство собирати”⁴.

Таким образом, решение о строительстве церкви и написании жития было принято архиепископом единовременно. Верхнюю границу событий позволяют уточнить данные описи 1646 г., на основании которых можно утверждать, что к этому времени построенная по повелению Варлаама Вологодского церковь была освящена: в опубликованных писцовых и переписных книгах Вологды сохранилось следующее известие под 1646 г.: “Двор дьяконов Степана Федорова, а служит у церкви Знаменія пречистыя Богородицы Галактионовы пустыни” [Пугач, Черкасова 2008: 27]. Нижней границей написания Жития, вероятно, следует считать время, близкое к 1641 г., к которому отнесено первое из датированных посмертных чудес Галактиона. Таким образом, агиографическое произведение было написано более чем через двадцать лет после смерти Галактиона, и составитель, рассказывая о жизни затворника, мог опираться только на устные рассказы, сохранившиеся в среде почитателей вологодского аскета. Этим объясняется, почему все повествование об обстоятельствах жизни Галактиона отличает принцип “недосказанности”: нет не только имен родственников, укрывших ребенка от царского гнева, но также имен жены и дочери подвижника, нет вообще никакой хронологической определенности (когда он родился; какое время мальчиком жил в Старице; в каком возрасте покинул ее; как долго учился сапожному ремеслу в Вологде; сколько лет длилось его семейное счастье; до какого возраста воспитывал дочь, что с нею стало, когда он ушел в затвор; кто и при каких обстоятельствах постриг его в монахи; сколько лет он жил на созданном им острове; в каком возрасте принял мученическую смерть и др.). Основной хронологической единицей отсчета в житии являются “немного время”, “и по нѣкоем времени”, “нѣкогда” и т. п. С другой стороны, в устных рассказах сохранилась память о характере Галактиона:

Ко всѣмъ же стяжа любовь равну, николе же богата паче нища почте, ни князя честию княжение держаща, но всехъ вкупе равно любя и чтяше, не взираше бо на лица человеком, ни прещаше кому жестостию (реще — лютоостию), но бѣ слово его растворенно любовию и сладостию [л. 683 об.].

⁴ Здесь и далее в работе текст Жития приводится по старейшему из известных списков (1680–1690-х гг.) Краткой редакции *Толст171* [л. 684 об.–685]. Далее номера листов указываются в квадратных скобках в тексте статьи. Основную часть сборника составляют исторические произведения: тексты Хронографа в ред. 1617 г., выписки из Степенной книги и Сказание Авраамия Палицына. Затем следуют Повесть о Меркурии Смоленском, Повесть о Софии Суздальской (большую часть повествования в котором занимает сказание о втором чуде “с литовскими панами”), Житие Галактиона Вологодского, Сказание о чуде Андрея Стратилата и Сказание о чуде великомученика Георгия.

В тексте произведения некоторые детали сохранены в рассказах о трудах и аскетических подвигах Галактиона, о его помощи людям, в описании пророчеств затворника и обстоятельств его гибели. Составитель Жития сохранил сведения о том, что Гавриил (такое имя носил подвижник до пострижения) принадлежал к знатному роду:

... рождение имѣя царствующаго града Москвы въ царство благовѣрнаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича всеа Росии самодержца у благочестиву родителю — великодержавнаго боярина князя Иоанна Иоанновича Бельского сынъ... [л. 682 об.].

Таким образом, родословие святого возводится к князю Федору Ивановичу Бельскому, происходившему от Ольгерда Литовского. Когда Федор перешел на русскую службу, он в 1498 г. женился на княжне Анне Васильевне Рязанской, родной племяннице великого князя Ивана III, поэтому Бельские находились в родстве с московской великокняжеской семьей. Младший сын князя Федора Ивановича, “великодержавный” Иван Федорович, воевода, интригами Шуйских был отправлен в ссылку на Белоозеро и там в 1542 г. убит. По мнению о. Иоанна Верюжского, князь Иван Федорович, ошибочно названный в Житии Иваном Ивановичем, и был отцом Гавриила. В результате этого допущения появились не только дата рождения святого (он остался без отца семи лет от роду, следовательно, родился в 1535 г.), но и уверение в том, что мальчика его родные спасали от гнева Шуйских [Верюжский 1880: 610]. Никаких сведений о князе Иване Ивановиче Бельском не содержится в Разрядных книгах, однако согласимся, что хотя в них были собраны извлечения из различных документов о назначениях на военную, гражданскую и придворную службу, но сведения не могут претендовать на абсолютную полноту [Буганов 1962]. В Бархатной книге 1687 г., возникшей после отмены местничества и прекращения составления Разрядных книг в 1682 г., нет известий о том, что у князя Ивана Федоровича Бельского были дети. Отметим также, что в Бархатной книге были отражены сведения о тех, кто их подавал, и в том объеме, в котором эти сведения были представлены. Род князей Бельских пресекся в 1571 г., “сказки” были составлены ярославскими князьями Морткиными, претендовавшими на родство с Гедиминовичами⁵; податели были озабочены не столько полнотой известий о Бельских, сколько обоснованием своего родства со знатной фамилией, а потому нельзя считать сохранившуюся информацию о членах этой семьи исчерпывающей

⁵ Как отметил С. Б. Веселовский: “Ничего общего с князьями Бельскими Гедиминовичами не имела отрасль захудалых ярославских князей Морткиных-Бельских” [Веселовский 1963: 202].

[Антонов 1996]. Тем не менее, вопрос о том, чьим сыном был князь Гавриил, остается открытым⁶. Отмеченные особенности повествования в Житии Галактиона Вологодского (размытость хронологии, сюжетная “недосказанность”, насыщенность бытовыми деталями, знатность происхождения героя) уже в конце XVII в. вызывали вопросы.

Впервые сомнения в достоверности фактов биографии затворника нашли выражение в грамоте 1691 г. “святѣйшого киръ Адриана, архиепископа Московского и всея России и всѣхъ сѣверныхъ стран патриарха”, присланной в ответ на челобитье игумена Галактионовой пустыни Авраамия, в котором высказывалась просьба о канонизации Галактиона, Герасима и Игнатия Вологодских. Список этой грамоты конца 1690-х гг. читается в составе необычного конволюта *ОСРК 778* [л. 1–2 об.], в который оказались включены тетради разного формата, объема, времени составления, почерков, объединенные общим отказом церковных властей в канонизации или печати⁷. Рассмотрев присланные из Вологды “книги”, патриарх Адриан дал такой ответ:

Галактионъ и Герасимъ какова чина в мирѣ быша, и како пожиша, и в кая лѣта, — извѣстия совершеннаго нѣсть. [. . .] А Галактионъ, де, в монашествѣ скончался в литовское разорение въ лѣто 7 121-е и лежитъ под спудом на Вологдѣ за посадом въ Духовѣ монастыре, что называется Галактионова пустыня, и въ теплом храмѣ Знамени пресвятыя Богородицы на сѣверной странѣ во углу, над гробомъ ли поставлена гробница, и в возглавии той гробницы его, Галактионовъ, стоит образъ. Суть же писана нѣколикая ихъ и чудеса, а правдѣ, по приличности, мало сходны, и достовѣритися совершенно нечимъ [. . .] Обитающе же в монастырѣ и прочии люди стари казаша, что чудесь явныхъ от сихъ Галактиона и Герасима никогда не видѣша. Над кѣмъ же быша якобы цѣлбы от нихъ — писаны имяны — во градѣ Вологдѣ и индѣ, никтоже казася налице [*ОСРК 778*: л. 1 об.–2]⁸.

Заключая послание, кир Адриан объявляет решение:

⁶ Е. В. Романенко и И. Н. Шаминой было высказано предположение, что Галактион происходил “из рода ярославских князей Бельских или дворян Бельских” (заметим, что в таком случае нельзя объяснить, почему его отец именуется “великодержавным боярином”), однако вынужденный отъезд Гавриила из Москвы связали, как и о. Иоанн Верюжский, с преследованиями Шуйских, хотя в Житии нет об этом никаких сведений [Романенко, Шамина 2005: 286].

⁷ Первую, меньшую, часть сборника [л. 1–41 об. + 8 л. чистых] образуют списки, в основном XIX в., сказаний о чудесах местночтимых святых, которым было отказано в канонизации (Герасима Вологодского, Кирилла Вельского, Герасима, Питирима и Ионы Усть-Вымских, Иоанна и Иакова Менюжских, Андрея Тотемского). Вторая, бóльшая, часть [л. 42–124] сборника содержит список с рукописи XVI в. Устава Иосифа Волоцкого из Толстовского собрания, именующий резолюцию о недозволении печатать его, так как он “расходится с истиною”.

⁸ Отсутствие возможности к 1691 году отыскать тех, кто рассказывал о своих чудесных исцелениях в 1640–1650-х гг., вполне объяснимо: проявлением неоправданного оптимизма было бы надеяться на положительный результат поиска.

... из земли мощей ихъ (сице и суть чии-либо в тѣхъ мѣстѣхъ) взимати не повелѣваемъ, также и прославляти в Церкви, яко совершенныхъ, мнимыхъ чудотворцевъ пѣниемъ, и почитаниемъ, и на иконахъ изображати възбраняемъ [...], вновь торжество мученикомъ и прочимъ святымъ не сотворяти, яко Церковь святая исполнена и доволственна во всемъ святыхъ пѣснопѣнми [ОСРК 778: л. 2–2 об.]⁹.

Как представляется, текст Жития Галактиона Вологодского позволяет обнаружить возможность для уточнения исторического контекста и предложить иное хронологическое прочтение памятника.

Прежде всего, заметим, что в житии Галактиона на судьбу главного героя повлияли не только события Смутного времени. В рассматриваемом произведении жизненный путь святого был предопределен эпохой Ивана Грозного. Если отказаться от предположения, выдвинутого о. Иоанном Верюжским, что отцом подвижника был князь Иван Федорович, то и рассуждения, что главными гонителями отца Гавриила Бельского были Шуйские, и именно от них родные спрятали мальчика в Старице, оказываются ошибочными; особо подчеркнем, что ни в одном из списков нет никаких упоминаний о Шуйских. Более того, во всех известных нам списках памятника содержится точное указание на лицо, отдавшее приказ о казни: “Божиим попусциемъ возложи гнѣвъ свой благовѣрный князь и царь Иоаннъ Васильевичъ на отца сего блаженнаго, и повелѣ его предати смертной казни” [л. 682 об.]. Как известно из записей в синодиках Ивана Грозного, он ввел в обычай казнить не только “виновного”, но и всю его семью вместе с детьми¹⁰. Именно поэтому в произведении сообщается о необходимости спрятать мальчика: “Сего же юношу сродницы и приближени его приятели и добродѣи скрыша возрастомъ седми лѣтъ и свезоша в Стариць-градъ” [л. 682 об.]. Составитель Жития не раскрывает подробностей пребывания ребенка в Старице, не называет спасителей Гавриила, кратко заметив:

И пребысть тамо [...] немного время, а родствомъ своимъ утаився отъ всехъ человекъ, и никому жъ о томъ повѣда, Божия бо благодать храняше его. [...] И по нѣкоемъ времени Богомъ наставляемъ, отиде втай [...] в Вологду [л. 682 об.].

Так кто же был отцом вологодского подвижника? Известно, что среди князей Бельских сын Иван был у старшего брата Ивана Федоровича — Дмитрия Федоровича — и его жены Марфы Ивановны Челядниной. При дворе царя Ивана Васильевича князя Ивана Дмитриевича Бельского называли одним из влиятельнейших бояр, он был женат на княжне

⁹ В Описании И. А. Бычкова [1900: 35–39] Послание Адриана издано полностью с некоторыми исправлениями слога и орфографии.

¹⁰ См. опубликованные С. Б. Веселовским [1963: 323–478] списки синодиков с комментариями ученого.

Марфе Васильевне Шуйской, правнучке великого князя Ивана III. Сестра Ивана Дмитриевича Анастасия была замужем за Василием Михайловичем Захарьиным-Юрьевым, племянником царицы Анастасии Романовны; вторая сестра, Евдокия, — за известным боярином Михаилом Яковлевичем Морозовым. С 1562 г., когда Иван Дмитриевич вместе с талантливым воеводой князем М. И. Воротынским был обвинен в умысле бежать в Литву, опала настигала боярина несколько раз. Последнее известие о князе Иване Дмитриевиче относится к маю 1571 г., когда он, как сообщается в позднем летописце, во время пожара в Москве вместе с семьей задохнулся от дыма в погребе своего дома¹¹. Если вспомнить, что князь М. И. Воротынский, оборонявший вместе с князем И. Д. Бельским Москву и нанеший серьезное поражение отступавшим войскам крымского хана Девлет-Гирея, был по непонятной причине казнен в марте 1573 г., то описание смерти князя Бельского со всей семьей может вызвать некоторые сомнения. Но в любом случае, если у “великодержавного боярина” Ивана Дмитриевича и был малолетний сын, то сведений о нем (в силу его возраста) нельзя почерпнуть из Разрядных книг. Есть еще одно обстоятельство в судьбе представителей этой ветви князей Бельских, которое способно прояснить поворот сюжета в Житии Галактиона Вологодского: почему после спасения ребенка помощь ему вдруг прекратилась и он должен был уйти из Старицы в Вологду? Логично предположить, что люди, спасшие Гавриила, не могли больше ничего сделать для мальчика. Как известно, в марте 1573 г. родная сестра Ивана Дмитриевича Евдокия была казнена вместе с мужем, воеводой М. Я. Морозовым, и двумя сыновьями (тогда же состоялась казнь князей М. И. Воротынского и Н. Р. Одоевского)¹². Как представляется, именно это событие и могло стать причиной прервавшихся отношений Гавриила со своими спасителями (семьей родной тетки). Отметим, что в этом произведении в п е р в ы е утрата социального статуса, родственных связей и поддержки близких связывается не со временем Смуты [Панченко 1984: 9–22; Успенский 1982], а с террором царя Ивана

¹¹ Во Вкладной и Кормовой книге Борисоглебского Ростовского монастыря среди перечисления вкладов царя Ивана Васильевича по родне и опальным людям содержится следующая запись: “Даль государь царь и великий князь Иоанъ Васильевичъ всея Росии по бояринъ по своемъ по князь Иванъ Дмитриевичъ Бѣлском и по его родителехъ Дмитриянское въ Савинъ стану со всѣми угоды. И за ту дачу по князь Иоаннъ Дмитриевичъ, а имя ему Леонтий [выделено мною. — И. Л.], и по его родителех на его преставление майя въ 25 день понахида пѣти, и обѣдня служити собором, и братию кормити кормъ болшей, доколѣ и монастырь стоить” [Тит4904: л. 10–10 об.]. Если князь Иван Дмитриевич перед смертью успел принять монашеское имя Леонтий, то известие о его гибели во время пожара вызывает серьезное сомнение.

¹² С. Б. Веселовский отметил “неразрешимость загадки” этой казни трех “главных воевод береговой армии” [Веселовский 1963: 370].

Грозного: представитель высшего боярства, родственник государя по двум линиям занимается “сапожным художеством” и женится на посадской девушке, даже не названной по имени:

И прииде в богоспасаемый град Вологду, и нача на посаде жити у некоего чеботнаго мастера, и научися сапожнаго художества, и усмарь бысть изрядень, и от того себѣ пищу приимаше. [. . .] И егда достиже возраста, и тогда сочтася законному браку, и поять себѣ жену от простых людей, и поживе с нею, и бысть има едино дѣтище — женский полъ [л. 682 об.—683].

Если принять предложенную гипотезу о происхождении Гавриила-Галактиона, не вступающую в противоречие с текстом памятника, то временем рождения подвижника, которому было семь лет на момент гибели отца, следует считать 1564 г. В таком случае во время взятия Вологды ему было 48 лет. Соответственно меняется представление о возрасте его дочери: она становится не пожилой горожанкой¹³, а женщиной 25–30 лет.

Тему Смуты в Житии открывает предсказание Галактиона о грядущем взятии Вологды иноземцами. Этот рассказ о его предупреждении горожанам в земской палате оказывается насыщен подробностями и построен как драматическое действие. Обращение затворника пространно и опирается на священное Писание:

Егда же преподобный Галактион исполнися благодати святаго Духа, и бысть ему откровение о святых божиих церквах, и о градѣхъ, и о людехъ, тогда расковася с цѣпи, изыде ис кѣлии своей во оковехъ, и прииде в земскую избу. И нача со многим умилением глаголати к людям и, простирая им слово к ползе душевней, глаголя: “О, правовѣрнии людие! Господь Богъ посла на нас праведный свой гнѣвъ, и воздвиже языкъ — полских и литовских людей — за наше великое согрешение. . .” [л. 683 об].

Он просит людей уклониться от злых дел и построить на месте его пустыни “единоднєвєнь храм” во имя Богородицы Знамения, “иже в великом Новѣграде” [л. 683 об.]. Основным противником Галактиона выступает именитый человек Нечай Щелкунов, который решительно воспротивился строительству новой церкви. Сначала купец обращается к народу: “Кий старецъ вселися на мѣсте том, и себе ради умысли тако [. . .], дабы ему поставили храм” [л. 684]. Затем начинает объяснять невыгоду самому Галактиону:

Отче, великий недалече от тебе есть храм святых великомученикѣ Флора и Лавра и святыя великомученицы Екатерины, и ты тамо ходи и молися. Аще мы на твоємъ мѣсте поставим храм, а ты умрешъ, и храм твой запустѣетъ, токмо тѣмъ всему миру тцету и убытокъ сотвориши [л. 684].

¹³ Заметим, что о. Иоанн Верюжский, решив, что Галактион родился в 1535 г. (соответственно в 1612 г. ему было 77 лет, а его дочери не могло быть меньше 55), в своем пересказе Жития называет дочь святого “девицей” [Верюжский 1880: 620].

Для составителя Жития было важным, что столкновение Галактиона произошло с реально существовавшим горожанином, причем этот купец пользовался недоброй славой в Вологде: на имя архиепископа соседями Нечая было подано прошение, в котором они жаловались на обиды и притеснения со стороны Щелкунова [ВЕРЮЖСКИЙ 1880: 617]. Галактион предсказал, что во время нашествия дом купца близ Троицкой церкви будет разорен и никто из его рода уже не будет жить в нем.

Хотя агиограф не сказал об этом прямо, но из текста Жития становится очевидным, что люди не поддержали подвижника и не пришли ставить в пустынь обыденный храм, приняв сторону расчетливого купца. При этом они страшлись будущего и верили, что предсказание Галактиона истинно:

И скорбь велика объять ихъ, наипаче же начаша ко преподобному прибѣгати в пустыню вопрошати святаго всякий о себѣ на имя того, таже святыи отвещавъ комуждо со слезами, и повѣда овымъ убо от нихъ спасеннымъ быти, овым же — посеченными [л. 684].

Вторжение врагов, сожжение города и смерть многих его жителей описаны достаточно лаконично:

И Божимъ попущением тогда вскоре приидоша иновѣрнии во градъ Вологду. И прежде всего зажгоша церковь святаго Димитрия, и потом зажгоша храм живоначалныя Троицы. [. . .] И град разориша, и людей посекоша и избиша, овых же в плѣнь с собою взяша. Тогда же збытсья пророчество святаго по словеси его [л. 684–684 об.].

Отметим, что враги поименованы иноверными лишь единожды, что справедливо: в войска Яна Ходкевича, захватившего город, входили не только поляки, но и “русские шайки”. Мученическая смерть Галактиона от рук “злодеев и человекоубийц”, ворвавшихся в его келью “яко звери диви”, описана с некоторыми подробностями. Повествователь рассказал, как горожане метались по городу в поисках спасения. Дочь затворника пыталась найти убежище в хижине отца, но, заметив приближение увидевших ее врагов, убежала.

Они же яша преподобнаго в веригах. И начаша бити его нещадно, и за цепь влачити по земли, и укоризны нанося на него, и мечи сечаше. [. . .] И абие застреховою курицею [т. е. железным крюком с кровли, который держит доску по ее краю. — *И. Л.*] удариша его во главу, и оставиша его еле жива, поидоша окаянии прочь [л. 684 об.].

В житиях мучеников рассказ об их страданиях — всегда кульминационное ядро произведения, “страсти” предстают в повествовании как ряд сцен, в каждой из которых последовательно усиливаются терзания святого его врагами, требующими, чтобы он отказался от Христа. В

Житии Галактиона его мучители над вопросами веры не задумываются вовсе: над затворником измываются “просто так”, как могли бы глумиться над любым другим человеком, у которого не удалось ничем поживиться, и оставляют избитого и иссеченного мечами подвижника умирать в его келье. Лишь поведение самого святого соответствует канону (он все переносит с кротостью, терпением и молитвами). Обыденность жестокости — одна из примет Смутного времени, начало которой положила эпоха Ивана Грозного. По наблюдению В. Н. Топорова,

[о]причина, ее до сих пор неслыханные жестокости, сам ее характер — всеобщий, а отнюдь не антибоярский, и противоестественный, нарушавший законы человеческие и природные, когда многие фамилии уничтожались “всеродне”, наконец, сам размах казней [...] бесследно исчезают целые роды, тонут в забвении имена мучеников, — все это не могло пройти даром, не могло не отложиться в исторической памяти. . . [Топоров 1993: 195–196].

Действительно, именно исторические события в Житии Галактиона Вологодского, как мы стремились показать, целиком определили развитие сюжета этого произведения (от казни отца мученика Иваном Грозным до гибели затворника от рук потерявших человеческий облик от вседозволенности “человекоубийц” во времена Смуты). Само повествование сохранило традиционные для агиографического жанра мотивы и систему топосов, но при этом оставило незавершенными некоторые сюжетные линии. Это “несовершенство” известий о Галактионе в посвященном ему произведении оставило без объяснений ряд фактов (происхождение и родственные связи, возраст, детали биографии), что стало причиной их различного истолкования. Как представляется, в предложенной нами гипотезе о происхождении Галактиона Вологодского и обстоятельствах жизни нет противоречий с текстом Жития, сохранившим устные рассказы помнивших подвижника вологжан.

Библиография

Рукописи

ОСРК 778

Российская национальная библиотека (С.-Петербург), ОСРК, F.I.778, Конволют (бывшее собрание Савваитова, № 34); см. описание: [Бычков 1900: 35–42].

Толст171

Российская национальная библиотека (С.-Петербург), F.XVII.16 (бывшее собрание Толстого, F.I.171), Сборник 1680–1690-х гг.

Унд296

Российская государственная библиотека (Москва), Собрание Ундольского (ф. 310), № 296, нач. XIX в.

Литература

Антонов 1996

Антонов А. В., *Родословные росписи конца XVII века: Исследования по русской истории*, 6, Москва, 1996.

Буганов 1962

Буганов В. И., *Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII веков*, Москва, 1962.

Бычков 1900

Бычков И. А., *Каталог рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих Публичной библиотеке*, 1, С.-Петербург, 1900.

Васильев 1994

Васильев Ю. С., *Дозорная книга посада города Вологды князя П. Б. Волконского и подьячего Л. Софонова 1616–1617 гг.*, Вологда, 1994.

Верюжский 1880

Верюжский Иоанн, свящ., *Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых церковью и местно чтимых*, Вологда, 1880 (репринт: Вологда, 2009).

Веселовский 1963

Веселовский С. Б., *Исследования по истории опричнины*, Москва, 1963.

Дмитриев 1973

Дмитриев Л. А., *Житийные повести русского Севера как памятники литературы XII–XVII веков: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний*, Ленинград, 1973.

Дмитриева 1993

Дмитриева Р. П., “Агиографическая школа митрополита Макария (На материале некоторых житий)”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 48, С.-Петербург, 1993, 207–213.

Ключевский 1871

Ключевский В. О., *Древнерусские жития как исторический источник*, Москва, 1871 (репринт: Москва, 1988).

Лихачев 1987

Лихачев Д. С., “Подступы к решительным переменам в строении литературы”, в: *Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков*, Москва, 1987, 5–22.

Лобакова 2014

Лобакова И. А., “Исторические события и лица в Житии Иринарха Ростовского: Смутное время в агиографическом произведении”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 62, С.-Петербург, 2014, 93–119.

——— 2015

Лобакова И. А., “Сказание о посмертных чудесах в Житии Галактиона Вологодского: К вопросу о развитии сюжетного повествования”, в: *Круги времен: В память Е. К. Ромодановской*, 2, Москва, 2015 (в печати).

Панченко 1984

Панченко А. М., *Русская культура в канун Петровских реформ*, Ленинград, 1984.

Пугач, Черкасова 2008

Пугач И. В., Черкасова М. С., *Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века*, 1–2, Москва, 2008.

Романенко, Шамина 2005

Романенко Е. В., Шамина И. Н., “Галактион”, в: *Православная энциклопедия*, 10, Москва, 2005, 285–287.

СОКОЛОВА 1992

СОКОЛОВА Л. В., “Житие Галактиона Вологодского”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 3/1, С.-Петербург, 1992, 336–337.

ТОПОРОВ 1993

ТОПОРОВ В. Н., “Московские люди XVII века (К злобе дня)”, в: *Philologia Slavica: К 70-летию академика Н. И. Толстого*, Москва, 1993, 191–219.

УСПЕНСКИЙ 1982

УСПЕНСКИЙ Б. А., “Царь и самозванец: Самозванчество на Руси как культурно-исторический феномен”, в: *Художественный язык средневековья*, Москва, 1982.

References

Antonov A. V., *Rodoslovnye rospisi kontsa XVII veka: Issledovaniia po russkoi istorii*, 6, Moscow, 1996.

Buganov V. I., *Razriadnye knigi poslednei chetverti XV – nachala XVII vekov*, Moscow, 1962.

Dmitriev L. A., *Zhitiinye povesti russkogo Severa kak pamiatniki literatury XII–XVII vekov: Evoliutsiia zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii*, Leningrad, 1973.

Dmitrieva R. P., “Agiograficheskaia shkola mitropolita Makariia (Na materiale nekotorykh zhitiij),” in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 48, St. Petersburg, 1993, 207–213.

Likhachev D. S., “Podstupy k reshitel'nym peremenam v stroenii literatury,” in: *Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. Konets XVI – nachalo XVII vekov*, Moscow, 1987, 5–22.

Lobakova I. A., “Istoricheskie sobytiia i litsa v Zhitiu Irinarkha Rostovskogo: Smutnoe vremia v agiograficheskom proizvedenii,” in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 62, St. Petersburg, 2014, 93–119.

Lobakova I. A., “Skazanie o posmertnykh chudesakh v Zhitiu Galaktiona Vologodskogo: K voprosu o razvitiu siazhetnogo povestvovaniia,” in: *Krugi vremen: V pamiat' E. K. Romodanovskoi*, 2, Moscow, 2015 (in print).

Panchenko A. M., *Russkaia kul'tura v kanun Petrovskikh reform*, Leningrad, 1984.

Pugach I. V., Cherkasova M. S., Pistsovyie i perepisnye knigi Vologdy XVII – nachala XVIII veka, 1–2, Moscow, 2008.

Romanenko E. V., Shamina I. N., “Galaktion,” in: *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 10, Moscow, 2005, 285–287.

Sokolova L. V., “Zhitiie Galaktiona Vologodskogo,” in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 3/1, St. Petersburg, 1992, 336–337.

Toporov V. N., “Moskovskie liudi XVII veka (K zlobe dnia),” in: *Philologia Slavica: K 70-letiiu akademika N. I. Tolstogo*, Moscow, 1993, 191–219.

Uspenskij B. A., “Tsar' i samozvanets: Samozvanchestvo na Rusi kak kul'turno-istoricheskii fenomen,” in: *Khudozhestvennyi iazyk srednevekov'ia*, Moscow, 1982.

Vasilyev Yu. S., *Dozornaia kniga posada goroda Vologdy kniazia P. B. Volkonskogo i pod'iachego L. Sofonova 1616–1617 gg.*, Volgoda, 1994.

Veselovskiy S. B., *Issledovaniia po istorii oprichniny*, Moscow, 1963.

Ирина Анатольевна Лобакова, канд. филол. наук

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы

199034 С.-Петербург, наб. Макарова, 4

Россия/Russia

irinairli@mail.ru